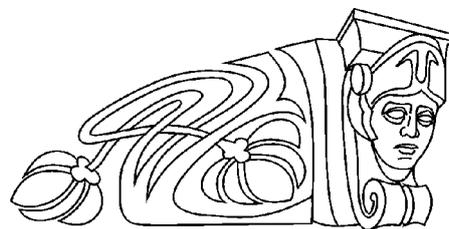

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 255–264
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 255–264
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>, EDN: RDTGAR

Научная статья
УДК 94(470.44)|1877/1878|+929[Галкин-Враский+Аксаков]

Саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский и председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков: материалы переписки (1877–1878 гг.)

О. В. Кочукова^{1✉}, С. А. Кочуков²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Государственный архив Саратовской области, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Кутякова, д. 15

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Author ID: 354832

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, главный архивист, kochukovsgu1974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3448-7457>, Author ID: 354829

Аннотация. Публикуемые материалы переписки председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова и саратовского губернатора М. Н. Галкина-Враского по хронологии относящихся к предыстории и началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., раскрывают ряд аспектов взаимодействия общественных организаций и официальной власти. Анализ содержания переписки и ее исторического контекста выявляет значение фактора общественного движения во внешнеполитической деятельности Российской империи. Основное внимание уделяется славянским благотворительным инициативам общественности Саратовской губернии в 1876–1878 гг.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., общественное движение, славянские комитеты, Саратовская губерния, М. Н. Галкин-Враский, И. С. Аксаков

Для цитирования: Кочукова О. В., Кочуков С. А. Саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский и председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков: материалы переписки (1877–1878 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 255–264. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>, EDN: RDTGAR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov governor M. N. Galkin-Vrasky and Chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov: Correspondence materials (1877–1878)

О. В. Кочукова^{1✉}, С. А. Кочуков²

¹ Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

² State Archive of the Saratov Region, 15 Kutyakova St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Kochukova, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Author ID: 354832

Sergey A. Kochukov, kochukovsgu1974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3448-7457>, Author ID: 354829

Abstract. The published materials of the correspondence of the chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov and Saratov Governor M. N. Galkin-Vrasky chronologically refer to the prehistory and the beginning of the Russian-Turkish war of 1877–1878 and reveal a number of aspects of interaction between public organizations and the official authorities. An analysis of the content of the correspondence and its historical context reveals the importance of the social movement factor in the foreign policy activities of the Russian Empire. The article focuses on the Slavic charitable initiatives of the public of the Saratov province in 1876–1878.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, public movement, Slavic committees, Saratov province, M. N. Galkin-Vrasky, I. S. Aksakov

For citation: Kochukova O. V., Kochukov S. A. Saratov governor M. N. Galkin-Vrasky and Chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov: Correspondence materials (1877–1878). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 255–264 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>, EDN: RDTGAR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., сыгравшей ключевую роль в обретении национальной независимости народами Балканского полуострова, предшествовало масштабное «славянское движение» в России. Ведущая инициатива в его формировании принадлежала славянским благотворительным комитетам, которые ставили своей целью активизацию интереса российской общественности к национальной жизни славянских народов и организацию благотворительности в их пользу. Московский славянский благотворительный комитет был создан в 1858 г. Первым его председателем был А. Н. Бахметев, с 1861 г. комитет возглавил М. П. Погодин, а с 1875 г. – И. С. Аксаков (1823–1886) – знаменитый русский публицист и общественный деятель, славянофил, издатель газет «День», «Русь», «Москва», «Москвич». Современники по праву считали его идейным лидером и вдохновителем славянского движения в России, называя «народным диктатором» [1, с. 252]. В 1868 г. новое отделение комитета было организовано в Петербурге – Санкт-Петербургский комитет Славянского благотворительного общества, в котором последовательно председательствовали А. Ф. Гильфердинг, И. П. Корнилов, А. И. Васильчиков. Отделения славянских комитетов или славянские благотворительные общества создавались и в других городах (Киеве, Одессе, Казани, Тифлисе) [2, с. 82–84]. Деятельность славянских комитетов была разрешена правительством, но главную роль в ней играла инициатива общественности. Славянские комитеты находились сначала под наблюдением Министерства иностранных дел, а с 1876 г. – Министерства внутренних дел. Пропаганда славянской идеи в русском обществе сочеталась с деятельной помощью славянским народам за счет добровольных пожертвований от населения в адрес комитетов.

В период роста национально-освободительной борьбы на Балканах в середине 1870-х гг. перед славянскими комитетами стояла трудная задача, связанная с координацией усилий различных общественных сил в России, проявлявших готовность откликнуться на призыв о помощи славянам. Кроме того, успех славянского движения в значительной мере зависел от взаимодействия общественных структур и официальной власти Российской империи. В связи с этим актуальной задачей становилось расширение самой географии славянского движения, т. е. формирование региональных центров славянской благотворительности. Славянские комитеты, содействуя активизации общественной инициативы в провинции, использовали как институциональный, так и личный уровень связей. Отделения славянского благотворительного общества обращались с официальными воззваниями и неофициальными, частными письмами в общественные, сословные, конфессиональные, коммерческие организации, учреждения местного управления, печатные органы различных губерний

Российской империи. Одним из региональных центров славянской благотворительности накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была Саратовская губерния. Немаловажную роль играли личные связи лидеров славянских комитетов с должностными лицами и общественными деятелями Саратова. В частности, руководитель Московского славянского комитета И. С. Аксаков поддерживал общение через переписку с саратовским губернатором М. Н. Галкиным-Враским (1832–1916; должность саратовского губернатора занимал в 1870–1879 гг.)

Материалы переписки М. Н. Галкина-Враского и И. С. Аксакова сохранились в фондах Государственного архива Саратовской области. Большая часть писем носит характер официальной переписки и содержится в деле «Переписка о пожертвованиях в пользу славян» в составе фонда Саратовского местного управления Российского общества Красного Креста [3]. Эти письма написаны на официальных бланках Славянского благотворительного комитета (общества) и канцелярии саратовского губернатора; на них проставлены исходящие номера и даты. Исключение составляет частное письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому от 24 января 1877 г., сохранившееся в личном архивном фонде саратовского губернатора [4]. Представляется, что публикация этих писем имеет научное значение в плане изучения историографической проблемы об общественных инициативах в качестве фактора внешней политики Российской империи накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Две принципиально различные точки зрения на то, какую роль стал играть фактор общественного движения во внешнеполитической деятельности Российской империи с начала Балканского кризиса середины 1870-х гг., были высказаны еще современниками. Общественный деятель Б. Н. Чичерин, затрагивая в своих мемуарах восприятие известий о восстаниях в Боснии, Герцеговине и Болгарии и об их жестоком подавлении турецкими властями, высказывал следующее предположение: «Восточные замешательства и болгарская резня произвели в русском обществе небывалое возбуждение. Само правительство не только его поддерживало, но и поджигало. Не решаясь на первых порах вступить прямо и открыто на этот скользкий путь, оно действовало исподтишка. Своим орудием оно избрало Московский славянский комитет. Он не только послал в Сербию генерала Черняева, но направлял туда массы добровольцев, снабжал их деньгами и оружием, отправлял даже пушки. Это я знаю от самого Ивана Сергеевича Аксакова, который с удивлением восклицал: “Славянский комитет вел войну с Турецкою империей!” Однако, война Комитета вышла неудачною, и русское правительство, затеявшее эту опасную игру, наконец, само было вовлечено в военные действия» [5, с. 253].

Видный государственный деятель П. А. Валуев, напротив, полагал, что российское правительство было втянуто в войну на Балканах помимо его воли и изначальных намерений «прославянскими» силами в общественном движении («славянофильствующей публикой»). По его мнению, «если бросить взгляд назад, то под конец окажется, что мы доведены до порога войны не событиями, не интересами государства, а просто Обществом Красного Креста» [6, с. 495]. Упоминание П. А. Валуевым Общества Красного Креста объяснялось тем, что славянские комитеты активно сотрудничали с различными благотворительными и общественными организациями: «...Не будь дамского усердия в его своеобразных видах, не будь постепенного раздувания огня без своевременного употребления надлежащих спасательных труб, не было бы и раздолья славянских комитетов, не было бы Черняева, добровольцев и всего прочего» [6, с. 495].

Впоследствии историки постоянно возвращались к сюжету о степени самостоятельности славянских комитетов, давая различные ответы на волновавший еще современников вопрос, направлялись ли общественные инициативы в преддверии Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. властью либо, напротив, будучи от нее независимыми, воздействовали на внешнеполитический курс государства [2, с. 261–265]. Выводы и материалы современных исторических исследований вызывают необходимость учитывать особенности организации государственного управления в царствование Александра II, когда высшая власть организовывала сложное взаимодействие нескольких конкурирующих группировок бюрократической элиты, зачастую ориентируясь при этом и на ведущие тенденции общественного мнения. В историографии устоялось употребление понятий «партия сосредоточения сил» и «партия действия» применительно к властным группировкам, занимавшим различную позицию в отношении к перспективам военного участия России в разрешении Балканского кризиса 1870-х гг. [7, с. 17]. «Партия сосредоточения сил», которую возглавляли министр иностранных дел А. М. Горчаков, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов М. Х. Рейтерн, министр внутренних дел А. Е. Тимашев, министр государственных имуществ П. А. Валуев, делала акцент на рисках разворачивания военного сценария, а «партия действия», к которой принадлежали, помимо государственных деятелей (прежде всего, российский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев), и члены императорской фамилии (императрица Мария Александровна, наследник престола великий князь Александр Александрович), решительно поддерживала славянское движение в обществе. В такой ситуации верховная императорская власть оставляла для себя возможности лавирования и в то же время использовала преимущества действо-

вать через общественные организации, избегая осложнений в сфере международной дипломатии.

В 1875 г. славянским комитетам было официально разрешено заниматься сбором пожертвований в пользу славян Балканского полуострова, в октябре 1876 г. Александр II выразил поддержку их деятельности. Тем не менее в правительственных кругах часто высказывалось мнение об ограничении деятельности комитетов. Так, уже накануне войны, в марте 1877 г. военный министр Д. А. Милютин в своем дневнике отмечал: «...Большое впечатление произвела нескромная речь, сказанная в Московском славянском комитете председателем его Иваном Сергеевичем Аксаковым. В этой речи он осуждает весьма резко весь ход нашей внешней политики и опять бьет в набат для спасения русской чести. Речь эта, конечно, не только резка, но и несвоевременна. Жаль, что подобными нескромными речами Аксаков вредит и своему личному положению и кредиту представляемого им общества. Последствием будут, несомненно, новые административные меры для обуздания Славянского комитета» [8, с. 205] Шеф жандармов Н. В. Мезенцов сообщил И. С. Аксакову о неудовольствии, высказанном Александром II: «...Император присовокупить изволил, что, ознакомившись с содержанием сказанной вами речи в заседании Славянского комитета..., он по поводу ее выражает вам крайнее свое неудовольствие...» [9, с. 619].

Такое положение дел ставило для славянских комитетов вопрос о поиске способов организации общественной инициативы через личные связи, систему общественных, коммерческих, благотворительных, сословных организаций, и в региональном пространстве империи, безусловно, следовало учитывать ключевую роль губернаторов. Соответственно, характер организации славянских общественных инициатив в Саратове в значительной степени зависел от позиции губернатора М. Н. Галкина-Враского. Интересное свидетельство по этому поводу содержат воспоминания саратовского общественного деятеля И. Я. Славина: «Собственно говоря, курс нашей внутренней политики по отношению к внешним событиям 1875 и 1876 годов не был твердым, неуклонным, определенным и прямолинейным. Сегодня воспрещалось то, что вчера разрешалось и поощрялось. Бывший в это время саратовским губернатором М. Н. Галкин-Враский лично мне говорил, что почти ежедневно получались из министерства приказы и распоряжения, отменявшие предшествующие, и в массе их трудно было разобраться, что можно разрешать, что воспрещать, что поощрять, что терпеть, что допускать. Очевидно, директивы в этом направлении, исходившие от министерства, находились в зависимости от хода и положения дипломатических переговоров по балканским делам и от настроения высших правящих сфер, которое, по слухам, менялось, смотря

по тому, какая из придворных партий одерживала верх и получала преобладающее влияние» [10, с. 94]. Саратовский губернатор, безусловно, проявлял искусство политического лавирования, но справедливость требует отметить тот факт, что в целом он немало содействовал росту славянского движения в Саратове. Это объяснялось, видимо, наличием у него собственных симпатий к славянофильским идеям, а также личными контактами с такими признанными лидерами славянского движения, как Н. П. Игнатьев и М. Г. Черняев (последний возглавил сербскую армию во время Сербско-турецкой войны 1876 г.). Н. П. Игнатьев, М. Г. Черняев и М. Н. Галкин-Враский принимали участие в российской дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858–1859 гг. и с этого времени поддерживали общение между собой.

Начало переписки М. Н. Галкина-Враского с председателем Московского славянского комитета И. С. Аксаковым связано с тем, что в 1876 г. в среде саратовской общественности был поставлен вопрос об организации отдельного славянского комитета в Саратове. Публикуемое письмо И. С. Аксакова от 24 января 1877 г. содержит его извинения, приносимые М. Н. Галкину-Враскому за длительную задержку с ответом на неоднократно поступавшие к нему заявления и запросы о возможности открытия местного отделения славянского благотворительного общества. Письмо это в высшей степени показательно по той причине, что И. С. Аксаков особо подчеркивает в нем неофициальный характер ведения дел и переговоров в сфере славянских инициатив и прибегает ко многим предосторожностям. Само письмо было им отправлено «с оказией», т. е. передано саратовскому губернатору через надежное лицо. И. С. Аксаков заострял внимание своего корреспондента на том, что он «избегал переписки с лицами, занимающими официальное положение», а для обозначения многочисленных благотворительных инициатив в пользу славян и российского добровольческого движения в период Сербско-турецкой войны, организованных славянскими комитетами, применил весьма характерный термин «наше экстралегальное дело» [4, л. 1]. Употребленная приставка «экстра» явно призвана обозначить сферу деятельности, находящуюся не столько «вне» официально допущенных пределов, сколько «над» ними и «помимо» них существующую. Кроме того, примечательно, что И. С. Аксаков считал «славянское», «экстралегальное», дело «нашим», т. е. общим для него самого и адресата письма.

Центральный вопрос, который обсуждался в письме И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, был вопрос об открытии в Саратове отделения славянского комитета. Именно к периоду накануне Русско-турецкой войны, т. е. ко второй половине 1876 и началу 1877 г., как было выяснено крупнейшим специалистом по истории славянских комитетов С. А. Никитиным, относился пик

общественной активности, связанный с открытием их местных отделений. В 1875–1876 гг. главной задачей был сбор материальных и денежных пожертвований на нужды герцеговинских и болгарских повстанцев, беженцев и пострадавших от карательных акций в Османской империи, а также на вооружение русских добровольцев и их отправку на сражения Сербско-турецкой войны. В связи с этим в различных городах Российской империи стали стихийно складываться группы по организации сбора пожертвований. В отдельных случаях их лидеры ставили вопрос о легализации в качестве ответвлений славянских комитетов (как правило, московского или петербургского). С. А. Никитин среди нелегализованных местных «славянских комитетов» называет и саратовский (наряду с самарским, таганрогским, вятским, ростовским, орловским и др.) [2, с. 309–310].

На основании данных исторических источников можно высказать некоторые предположения о составе «саратовского комитета». Здесь следует учитывать, что в качестве наиболее влиятельных лиц в плане идейного воздействия на аудиторию потенциальных жертвователей рассматривались сотрудники местной прессы, священники, деятели общественных, сословных и благотворительных организаций. Саратовская губерния приняла самое деятельное участие в деле сбора пожертвований славянам Балканского полуострова. Общественный подъем был подогрет газетными публикациями о тяжелой доле южных славян и невиданной жестокости в подавлении их восстаний. Причем первую скрипку в Саратовской губернии играла не столько центральная пресса, сколько региональная (газета «Саратовский справочный листок»). Особенно выделялись публицистические материалы, с которыми на страницах «Саратовского листка» выступал И. П. Горизонтов. В саратовской прессе часто печатались воззвания к местному населению. Так, одно из них, озаглавленное «К саратовскому обществу», было опубликовано за подписью «Гражданин Саратова». Автор отмечал: «Русское общество вообще, а саратовское в особенности, надо сказать правду, при всем своем видимом сочувствии к геройским усилиям славянских народов сбросить с себя ненавистное мусульманское иго, далеко не сделало того, что можно бы сделать при более длительном и энергичном отношении к делу» [11, с. 2]. Из номера в номер газеты «Саратовский справочный листок» помещались объявления о спектаклях в пользу южных славян, «кружечных сборах» и т. п. Большую роль играла агитация церковных деятелей, причем особое воздействие она имела на широкие народные массы. Сбор пожертвований в храмах и церквях был разрешен с 1875 г., однако при этом существовали официальные предупреждения о необходимости соблюдения лицами духовного сана «умеренности и воздержанности от произнесения возбуждающих и неосмотрительных речей» [12, с. 170]. Тем не менее епископ Саратовский

и Царицынский Тихон часто прибегал к искусству церковного красноречия на возбуждение сочувствия страждущему и угнетенному христианскому населению Османской империи. Его речи были составлены простым и доступным для понимания языком, в ярких красках обрисовывали мрачные картины насилия над православными братьями-славянами и всегда завершались призывами к «популярным пожертвованиям» [13, с. 491].

В среде саратовского дворянства активную агитацию за славянскую благотворительность вел уездный предводитель А. И. Шахматов, убеждавший, что «каждый грош и каждая гривна пожертвований в массе своей могут составить ощутимые приращения к прочим пожертвованиям» и приглашавший «богатого и бедного к посильному участию в этом священном для каждого русского деле» [14, с. 2]. Особо важным центром славянской благотворительности в Саратове стало местное отделение Общества попечения о больных и раненых воинах, которое развернуло целую программу сбора пожертвований. Местное отделение общества, получившего впоследствии название Российского Красного Креста, существовало с 1867 г. В состав учредителей общества в Саратове входили князь В. Щербатов, Н. Давыдов, В. Унковский, М. Попов, Н. Щепкин, священник И. Груздев, В. Вакуров, А. Шабловский, протоиерей П. Смирнов, Н. Медведев, П. Елагин [15, л. 19–19 об.]. Председателем местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах являлся губернатор М. Н. Галкин-Враский, и летом 1876 г. по его инициативе был организован саратовский подвижной лазарет для отправки в Сербию [3, л. 4]. Активную позицию занял также Дамский комитет попечительства о бедных, почетным попечителем которого был губернатор, председателем О. К. Рейтерн, а среди его членов присутствовали жены многих чиновников губернского города, в том числе и жена саратовского городского головы А. А. Недошивина. Дамский комитет курировал сразу несколько дамских кружков, открывших в Саратове пункты по сбору вещевых и денежных пожертвований славянам [16, с. 1–2].

В августе 1876 г. уездный предводитель саратовского дворянства А. И. Шахматов отправил письмо И. С. Аксакову с запросом об открытии в Саратове отделения славянского комитета. В послании, в частности, говорилось: «... Я полагаю бы необходимым для централизации всех пожертвований в Саратове и уездах его деньгами и предметами и содействия лицам, изъявившим желание принять личное участие, открыть в Саратове на все время войны славян с турками отделение Московского славянского комитета, которое бы имело уже прямое сношение с главным комитетом» [17, л. 106–106 об.]. «Саратовский справочный листок» сразу же сообщил об идее организовать местный отдел славянского общества, подчеркивая, что «мысль об этом возникла

вследствие громкого и самого искреннего сочувствия к балканским славянам, высказанного саратовцами всех сословий и классов с самого начала нынешних событий в европейской Турции» [18, с. 1]. Писал И. С. Аксакову, кроме того, житель Саратова П. Г. Бойчевский, сообщавший, что «в Саратове есть кружок лиц, в том числе и я, желающих поступить членами в Московский комитет, но мы не знаем условий, на которых комитет принял бы нас... я от лица многих покорнейше прошу вас... избрать в Саратове одного уполномоченного от Московского комитета, который бы имел бы право записывать членов с выдачею им квитанций, раздавать свидетельства на сбор пожертвований, вообще сгруппировать около себя славянский кружок» [19, л. 111].

Как следует из текста публикуемого письма И. С. Аксакова к М. Н. Галкину-Враскому, все заявления об открытии саратовского отделения Славянского благотворительного общества так и остались без ответа. И. С. Аксаков пытался убедить губернатора в тяжелой для него лично необходимости игнорировать местную инициативу по причине опасения непредсказуемой реакции Министерства внутренних дел. Председатель Московского славянского комитета считал несвоевременным поднимать организационные вопросы, которые потребовали бы официального утверждения министра внутренних дел А. Е. Тимашева, только и ожидавшего, по его словам, повода «скрутить комитеты». Славянские комитеты старались избегать любых решений, которые могли бы повлечь за собой вопрос о пересмотре их устава, так как развернутая ими широкая и разноплановая деятельность перестала бы ему соответствовать. Но была и другая причина, обусловившая нерешительность лидера славянских комитетов. На территории Саратовской губернии довольно остро проявилось соперничество между Московским и Петербургским славянскими комитетами. Саратовское общество больше всего контактировало с Петербургским комитетом, от которого постоянно поступали воззвания и подписные листы на сбор средств в пользу южных славян. Причем, если Санкт-Петербургское благотворительное общество ожидало помощи «как деньгами, так и вещами» [3, л. 58 об.], то Московский комитет требовал «пожертвования исключительно денежные» [20, с. 305]. Однако в Саратовской губернии больших масштабов достигали именно вещевые пожертвования, что и обусловило популярность Петербургского комитета. В Саратове даже были организованы специальные квартиры для приема пожертвований в адрес Санкт-Петербургского славянского общества. По сообщениям «Саратовского справочного листка», таких квартир было четыре: на Гимназической улице прием пожертвований осуществлял П. Г. Бойчевский, на Константиновской улице – И. В. Малинин, на Московской – нотариусы Праотцев и Мышенков [21, с. 2]. И. С. Аксакову оставалось только

признать факт популярности петербургского отделения в Саратове, что он и сделал в своем письме к губернатору: «Саратов, очевидно, тянет больше к Петербургу. Между тем вся тяжесть расходов, равно как и инициатива всей деятельности в Московском комитете. Не совсем ловко перебивать доходы у Петербургского Комитета, но в частном письме я позволяю себе это высказать» [4, л. 2–2 об.]. Таким образом, содержание переписки И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского указывает на внутреннюю конкуренцию славянских комитетов в сфере благотворительных инициатив.

Основная часть переписки саратовского губернатора и председателя Московского славянского комитета носит официальный характер, ограничивается достаточно короткими информативными сообщениями относительно аккумуляции денежных средств на реализацию славянской благотворительности, причем относится уже к периоду начавшейся Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На тот момент славянские комитеты продолжали организацию помощи славянам, так как она сохраняла свое морально-политическое и гуманитарное значение. В частности, в переписке уделяется немало внимания сбору денежных средств, направлявшихся на нужды Училища южнославянских девиц в Москве. Это училище было открыто в начале 1870-х гг. как результат совместной деятельности Московского славянского комитета и болгарской общины в Москве, которую возглавлял Н. Бончев. Цель школы состояла в подготовке педагогических кадров для болгарских и сербских женских училищ. Помимо общеобразовательных предметов, в ней преподавались церковно-славянский, русский, болгарский и сербский языки [22, с. 270]. Второе упоминаемое в тексте переписки конкретное направление славянской благотворительности – сбор вещевых пожертвований в Черногорию. Черногория и Сербия как союзные России государственные образования в 1877–1878 гг. вели войны с Османской империей за признание их полной независимости, и деятельность славянских комитетов в этот период в значительной степени концентрировалась вокруг сбора денежных и вещевых пожертвований на нужды черногорской и сербской армий.

В переписке И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского стоит выделить такой аспект, как организация финансовых механизмов славянской благотворительности, связанных с привлечением коммерческих банков и частных кредитных обществ. До официального начала войны России с Османской империей государственные организации не должны были принимать участие в финансовой поддержке славянских инсургентов. Когда представители Сербии ходатайствовали о займах, официальные лица, в числе которых были министр иностранных дел А. М. Горчаков, министр финансов М. Х. Рейтерн, управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский, согласились

«не препятствовать» в их предоставлении частным банкам и лицам. При этом И. С. Аксаков в частном письме утверждал: «Заем, или лучше сказать, ссуда Сербии из государственного казначейства разрешена в принципе, но под величайшим секретом и с условием, чтобы она была маскирована частными банками и лицами. Государь махнул рукой, сказавши: делайте, что хотите, только, чтоб правительство оставалось официально в стороне» [2, с. 297–298]. Здесь следует отметить, что управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский был в то же время пайщиком Московского купеческого банка (среди пайщиков был сотрудник И. С. Аксакова славянофил, промышленник и банкир Ф. В. Чижов), председателем совета Волжско-Камского коммерческого банка, а также вдохновителем и организатором обществ взаимного кредитования в России. Частные коммерческие банки и общества взаимного кредита сохраняли свое значение в качестве движущей силы финансового сопровождения славянской благотворительности и в период начавшейся Русско-турецкой войны.

В публикуемой переписке И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского упоминается, что собранные в Саратовской губернии денежные суммы переводились к месту назначения через посредничество саратовского Общества взаимного кредита и саратовское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Общество взаимного кредита было открыто в Саратове 25 июля 1870 г. Его уставной капитал превышал 1 млн руб. Председателем совета Общества был действительный статский советник А. Д. Горбунов. Видными членами саратовского Общества взаимного кредита являлись уездный предводитель дворянства А. И. Шахматов, саратовский голова А. И. Недошивин, архитектор А. М. Салько, старший помощник питейно-акцизных сборов Саратовской губернии П. Н. Минх [23, л. 1]. Следует отметить, что за 1876 г. саратовское Общество взаимного кредита пожертвовало единовременно в пользу балканских славян 15000 руб. [24, л. 16 об.]. Волжско-Камский коммерческий банк был основан в Санкт-Петербурге в 1870 г. и являлся одним из крупнейших банков России, а саратовское отделение банка было открыто уже в 1871 г. Финансовая организация как нельзя лучше подходила для денежных переводов на Балканы, так как в уставе банка оговаривалось «производство платежей в России и за границу, в городах, где находятся отделения и комиссионеры и корреспонденты Банка, за счет третьих лиц или обществ, с тем, чтобы такие уплаты предварительно обеспечены были на полную сумму...» [25, с. 8]. В январе 1877 г. саратовское отделение Волжско-Камского банка проводило операции с листами облигаций Сербского займа, в результате чего в Сербию было отправлено 1389 руб. [26, л. 9, 35].

Вопрос о соотношении мелких пожертвований от представителей народных масс и обще-

ственности и крупных от состоятельных лиц и от организаций и учреждений в общей массе российской благотворительности в пользу славян до сих пор остается спорным. Однако размах и эмоциональная насыщенность агитации среди народа, организованной общественными и церковными деятелями, действительно были причиной небывалого отклика на призыв жертвовать на пользу обездоленных единоверных братьев-славян, который выражался зачастую в желании «отдавать последнее, от собственной бедности». Следствием стали значительные размеры вещевых пожертвований. В Саратове активную агитацию за сбор вещевых пожертвований вели саратовский епископ Тихон и председательница Дамского комитета попечения о бедных О. К. Рейтерн. В частности, преосвященный Тихон в письме к саратовскому губернатору сообщал: «Вследствие предложения моего, саратовскою консисториею вместе с сим сделано распоряжение, чрез пропечатание в Саратовских епархиальных ведомостях, чтобы пастыри всех приходов саратовской епархии поведали своим прихожанам о настоятельной нужде в вещевых пожертвованиях и преимуществе одеждою и обувью, как для больных и раненых воинов обеих действующих армий и за Дунаем, и за Кавказом, так и для разоренных славян; пусть пастыри разъяснят своим паствам, что с наступлением холодов день ото дня положение разоренных славян становится все ужаснее и ужаснее; пусть укажут им, например, на то, как бежавшие из-за Балканских гор болгары, по обе стороны дороги от самого Шипкинского перевала и до самого города Габрова, стоят теперь непрерывным табором и без слов, без мольбы, рыдают и только рыдают; рыдают старики и старухи, рыдают матери и дети; пошли непогоды, зима настает, а у несчастных болгар ни жилья, ни одежды, ни обуви; пусть укажут еще и на то, что черногорцы и бежавшие к ним герцеговинцы и босняки, как извещает митрополит черногорский Иларион, не столько нуждаются в деньгах, сколько в одежде, обуви, белье, так как в Черногории в настоящее время и за деньги нельзя достать тех материалов, из которых одежда, обувь и белье устраиваются...» [27, л. 248–248 об.].

Между тем в воззваниях Московского славянского комитета не раз указывалось, что он «покорнейше просит не присылать к нему никаких пожертвований вещами, так как он не имеет у себя складов для хранения и не пользуется льготами по пересылке вещей, которая поэтому часто обходится дороже самой стоимости оных» [20, с. 305]. Несмотря на эти настойчивые пожелания, поток вещевых пожертвований только увеличивался. В депеше от 12 ноября 1877 г. саратовского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах в Московский славянский комитет указывалось: «...Было отправлено в Москву вагоном прямого сообщения в центральный склад с теплой одеждою и обувью для больных и раненых воинов действующих

армий 26 тюков весом 192 пуда, в том числе 345 полушубков; другой вагон отправлен в Московское славянское благотворительное общество с вещевыми пожертвованиями в пользу южных славян и черногорцев 32 тюка весом 205 пудов, 25 полушубков и 400 овчин» [28, л. 40]. Публикуемое письмо М. Н. Галкина-Враского к И. С. Аксакову представляет интерес также и потому, что в нем заострен вопрос о вещевых пожертвованиях. В ответ на требование председателя Московского славянского комитета о переводе всех поступивших пожертвований в денежную форму саратовскому губернатору пришлось проконтролировать большую развернувшуюся в связи с этим деятельность (сортировка и распределение вещевых пожертвований, раздача одной части в местные лазареты, семьям больных и раненых воинов, организация распродажи другой и т. д.).

Таким образом, материалы переписки И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского не только указывают на роль Саратовской губернии в качестве регионального центра формирования «славянского движения» в России 1870-х гг., но и проливают свет на ряд важных вопросов в плане понимания взаимодействия официальной власти и общественных, благотворительных, коммерческих организаций, а также указывают на внутреннюю конкуренцию отделений славянского комитетов и некоторые расхождения в понимании благотворительности в пользу славян среди представителей различных общественных организаций.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 24 января 1877 г.

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Пользуюсь оказией, чтобы принести Вам, хоть несколько поздние, объяснения и извинения в моем молчании. Я избегал переписки с лицами, занимающими официальное положение, во время самого разгара нашего экстралегального дела, и с московскими властями, всегда мне содействовавшими, сносился не иначе как словесно, ибо деятельность Славянского Комитета была не признана, а только терпима. Когда посланный Ваш из Саратова привез заявление саратовцев о желании учредить в Саратове Отдел Славянского Комитета, я не мог с своей стороны, при всем моем сочувствии этому желанию, содействовать оному, потому что боялся поднять вопрос об Уставе¹, которого проект лежал без движения в Министерстве Внутр. Дел. Славянский комитет просуществовал этот год без всякого устава², в 1876 г. вначале министр внутренних дел³ потребовал, чтоб устав был составлен, и сделал разные изменения в сочиненном нами проекте, уехал за границу, прежде чем разыгралась деятельность комитета по отправке добровольцев. Проект был положен под сукно, и это было большим для нас счастьем, ибо деятельность наша уже никоим образом не оправдывалась Уставом. Между тем открытие новых

отделов могло бы иметь место только с разрешения Министерства, следовательно, вызвало бы вновь вопрос об уставе, чего нужно было избегать.

Министр, прожив 5 месяцев за границей, возвратился с тем, чтоб скрутить славянские комитеты, но потом, убедившись в том, что деятельность их тесно связалась с политическими интересами самого правительства, несколько смягчился. Тем не менее, он тотчас же занялся Уставом и снова его переделал, спроектировав членский взнос вместо 5 р., в 50 рублей, и т. п., причем отделы лишены права на заграничные сношения. Этот проект, однако же, по обсуждению его в Совете Государя Императора⁴, был изменен и членский взнос оставлен почти в прежнем размере; но когда он был внесен на утверждение в Комитет министров⁵, П.А. Валуев⁶, в виду политических обстоятельств, предложил отсрочить утверждение и обнародование устава.

В настоящее время, если поступит заявление саратовцев, мы дадим ему ход, т. е. пошлем его к министру, но утвердит ли он – неизвестно.

Я прилагаю при этом письме род официального воззвания или письма, которому просил бы дать ход. Не адресовал его прямо на Ваше имя, не зная будет ли это Вам угодно. Может быть, Вы признаете удобнейшим возратить его княжне Кугушевой⁷, которая в таком случае, передаст его г. Шахматову⁸.

Саратов очевидно тянет больше к Петербургу. Между тем вся тяжесть расходов, равно как и инициатива всей деятельности в Московском комитете. Не совсем ловко перебивать доходы у Петербургского Комитета⁹, но в частном письме я позволяю себе это высказать.

Прошу извинения за небрежность и неряшливость этого письма, – но дел и хлопот много, а канцелярия у нас самая маленькая. Но я уверен заранее, что Вы мне все это извините, так как и Вы не можете не быть уверены в моем искреннейшем к Вам уважении и совершенной преданности.

Ив. Аксаков

ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–1 об.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 3 ноября 1877 г.

Его Превосходительству Господину
Саратовскому Губернатору.

Совет Московского Славянского Благотворительного Общества сим имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что присланные Вами при отношении от 25-го минувшего октября, за № 4534, деньги, собранные Вами по подписному листу в пользу училища южнославянских девиц, всего в количестве ста пятидесяти двух руб., Советом получены и будут употреблены согласно их назначению.

Председатель Ив. Аксаков
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.

**Письмо М. Н. Галкина-Враского
И. С. Аксакову, 5 ноября 1877 г.**

В Московское Славянское Благотворительное общество.

Впоследствии отношения моего от 25 минувшего октября, № 903, препроводив при сем в Московское Славянское Благотворительное общество опись поступившим в пользу южных славян и черногорцев вещевым пожертвованиям, отправленным 4 сего ноября в девятнадцати тюках и квитанцию Тамбовско-Саратовской железной дороги¹⁰, за № 20812, в приеме этих тюков для бесплатной отправки в г. Москву, имею честь покорнейше просить о получении помянутых пожертвований и об отсылке их по назначению не оставить меня уведомить.

Губернатор Галкин-Враский.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 16 ноября 1877 г.

Совет Московского Славянского Благотворительного общества имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что присланные Вами в пользу черногорцев при отношении от 1 сего ноября, за № 943, тридцать четыре тюка и при отношении от 2 сего ноября, за № 945, двенадцать тюков белья и носильного платья, собранных в Саратовском складе вещевых пожертвований, в Славянском обществе получены и отправлены через Московский центральный склад Общества попечения о больных и раненых воинах, в С.-Петербург, в Главное общество Красного Креста¹¹, для отсылки в Черногорию на имя уполномоченного оногo Петра Алексеевича Васильчикова¹².

Председатель И. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 26. Л. 66–66 об.

**Письмо М. Н. Галкина-Враского
И. С. Аксакову, 30 декабря 1877 г.**

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Полученною мною от Вас телеграммою от 1 сего декабря, извещая, что даровая отправка вещей в Черногорию не может состояться, Вы просили приостановиться высылкою вещей, высказав при этом свое мнение, что, так как плата за провоз определяется 6 руб., то лучше продать вещи и выслать вырученные деньги.

В виду сего поступившие в открытый в Саратове склад вещевые пожертвования в пользу южных славян и черногорцев были приостановлены отправкой и затем, согласно сделанному Вами предложению, таковые были назначены в продажу, причем все вещи подразделены на четыре категории и часть вещей, годных для больных и раненых воинов, приобретена в сумме действительной стоимости 400 руб. саратовским местным управлением Общества Красного Креста и отправлена

в действующую армию; часть, по произведенной через сведущих людей оценке на сумму 296 руб. 45 коп., передана в местные лазареты общества Красного Креста для снабжения выздоравливающих больных и раненых воинов, при выпуске из лазаретов по домам на поправку и с увольнением вовсе от службы; часть женских и детских вещей тоже по оценке на сумму 328 руб. приобретена Саратовским городским попечительством для пособия нуждающимся семействам воинов, и наконец, остальные вещи проданы с аукционного торга на сумму 740 руб. 55 коп. Таким образом, от распродажи всех вышеозначенных вещей выручено 1765 руб. Кроме того, поступило денежных пожертвований в пользу черногорцев 325 руб.

Вследствие сего, сделав распоряжение о переводе вышеозначенных денег, в сумме двух тысяч девяносто рублей, через Саратовское общество взаимного кредита на имя Московского славянского благотворительного общества, имею честь препроводить при сем к Вам, Милостивый Государь, квитанцию на этот перевод, также покорнейше прося о получении означенных денег и об отсылке их по назначению не оставить меня уведомить.

Примите при сем случае уверение в моем глубоком к Вам уважении и истинной преданности.

М. Галкин-Враский

Р. С. Квитанция прилагается Саратовским отделением Волжско-Камского коммерческого банка, через который сделан перевод.

ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 44–44 об.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 4 января 1878 г.

Милостивый Государь Михаил Николаевич!

Присланный Вами перевод Волжско-Камского банка на сумму две тысячи девяносто руб. при письме от 30 декабря 1877 г. за № 5466, деньги, вырученные Вами от продажи вещей, жертвованных на черногорцев, Советом получены и будут употреблены согласно назначению.

Председатель Ив. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 52.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 2 марта 1878 г.

Его Превосходительству Господину
Саратовскому Губернатору

Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому.

Присланная при отношении от 21 февраля сего года за № 813 квитанция Саратовского общества взаимного кредита за № 110 на семьсот рублей, из которых 400 руб. выручено от продажи вещей в пользу черногорцев, а 300 руб. коммерции советником Филиппом Осиповичем Плигиным¹³ в пользу учебно-воспитательного заведения

в Москве для круглых сирот южнославянских девиц, Советом получены и деньги будут употреблены согласно назначению.

Председатель Ив. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 70.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 10 мая 1878 г.

Его Превосходительству Господину
Саратовскому Губернатору

Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому.

Присланный при отношении от 29 минувшего апреля сего года за № 1730 перевод Саратовского отделения Волжско-Камского банка за № 56524 на сто восемьдесят девять руб. двадцать коп., из которых 140 р. вырученных от распродажи вещей, пожертвованных в пользу славян и черногорцев, 39 р. 20 к., представленных разными лицами тоже в пользу славян и черногорцев и 10 р. собранных Камышинским городским головою¹⁴ в пользу учебно-воспитательного заведения в Москве для круглых сирот южнославянских девиц; Обществом получен, о чем и имеет честь уведомить Ваше Превосходительство.

Председатель Ив. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 84.

Примечания

¹ Московский славянский комитет начал разработку общего устава в декабре 1875 г. В марте 1876 г. Министерство внутренних дел рассмотрело проект устава и потребовало внести ряд изменений. В окончательной редакции проект устава был утвержден только на момент начала Русско-турецкой войны 12 апреля 1877 г.

² Примечание И. С. Аксакова: «До 1876 г. он числился при Министерстве иностранных дел, а с 1876 г. перечислен в ведомство внутренних дел».

³ Имеется в виду Тимашев Александр Егорович (1818–1893) – генерал-адъютант, в 1856–1861 гг. – начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в 1867–1868 гг. возглавлял Министерство почт и телеграфов, в 1868–1878 гг. – министр внутренних дел.

⁴ Имеется в виду Государственный Совет Российской империи.

⁵ Комитет министров – высший совещательный и распорядительный орган Российской империи.

⁶ Валуев Петр Александрович (1814–1890) – граф, русский государственный и общественный деятель. В 1853–1858 гг. – губернатор Курляндии, в 1861–1868 гг. – министр внутренних дел, в 1872–1879 гг. – министр государственных имуществ.

⁷ Имеется в виду княжна Кугушева Александра Ивановна (1838–1894), дочь кн. Кугушева Ивана Васильевича и кн. Кугушевой Надежды Ильиничны.

- ⁸ Шахматов Александр Иванович (1826–1896) – общественный деятель, историк-краевед, один из организаторов Саратовской ученой архивной комиссии. Был членом Саратовской земской управы, гласным Саратовской городской думы, почетным мировым судьей, Саратовским уездным предводителем дворянства.
- ⁹ Имеется в виду Петербургское славянское благотворительное общество. Было создано в 1868 г. как Санкт-Петербургское отделение Московского славянского благотворительного общества.
- ¹⁰ Тамбовско-Саратовская железная дорога – железная дорога в Российской империи, связывающая Тамбов и Саратов. Строительство дороги началось с 1868 г., в эксплуатацию была запущена в 1871 г.
- ¹¹ Имеется в виду Общество попечения о раненых и больных воинах, созданное и получившее от императора Александра II устав в 1867 г. В 1879 г. общество получило название «Русский Красный Крест». Целью общества являлось содействие во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами.
- ¹² Васильчиков Петр Алексеевич (1829–1898) – с 1875 по 1876 г. уполномоченный русского отделения Общества Красного Креста в Черногории. С начала Русско-турецкой войны 1877 г. был членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.
- ¹³ Плигин Филипп Осипович – купец-старообрядец, городской голова г. Вольска, коллекционер раритетных книг.
- ¹⁴ Имеется в виду городской голова г. Камышина Шемякин Иван Петрович.
- (70-е гг. XIX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 12–18. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-1-12-18>
8. Милютин Д. А. Дневник. 1876–1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. 704 с.
9. Освобождение Болгарии от турецкого ига : в 3 т. / под ред. С. А. Никитина, В. Д. Конобеева, А. К. Бурмова, Н. Т. Тодорова. Т. 1. М. : Издательство АН СССР, 1961. 715 с.
10. Славин И. Я. Минувшее–пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
11. К саратовскому обществу // Саратовский справочный листок. 1876. 22 июня.
12. Яковлев О. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 229 с.
13. Речь, произнесенная преосвященным Тихоном перед напутственным молебствием, по случаю отправления из Саратова в Сербию отряда добровольцев в Саратовском кафедральном соборе сентября 12 дня 1876 г. // Саратовские епархиальные ведомости. 1876. № 34.
14. Приглашение к пожертвованиям // Саратовский справочный листок. 1876. 20 июля.
15. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1.
16. Отчет комитета, состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Саратовского дамского попечительства о бедных за 1877–1878 гг. Саратов : Тип. Губернского правления, 1878. 8 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 280.
18. Внутренние известия // Саратовский справочный листок. 1876. 17 нояб.
19. ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 57.
20. Аксаков И. С. Славянский вопрос: в 2 кн. Кн. 1 / Изд. подгот. А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров. СПб. : ООО «Издательство “Росток”», 2015. 639 с.
21. Да не оскудеет рука дающих // Саратовский справочный листок. 1876. 1 окт.
22. Поповкин А. А. Московский славянский комитет и общественная благотворительность в России (1858–1874) // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. История и политология. 2011. Вып. 8 (100). С. 268–272.
23. ГАСО. Ф. 639 (Первое Саратовское общество взаимного кредита). Оп. 1. Д. 15.
24. Там же. Д. 14.
25. Устав Волжско-Камского коммерческого банка. СПб. : Тип. т-ва Н. Я. Стойковой, 1879. 46 с.
26. ГАСО. Ф. 982 (Саратовское отделение Волжско-Камского коммерческого банка). Оп. 1. Д. 10.
27. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 25.
28. Там же. Д. 26.

Список литературы

1. Кочукова О. В. Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 252–257. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>
2. Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М. : Издательство Московского университета, 1960. 362 с.
3. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 427 (Саратовское местное управление Российского общества Красного Креста). Оп. 1. Д. 28.
4. ГАСО. Ф. 1221 (Галкин-Враский М. Н). Оп. 1. Д. 158.
5. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2010. 528 с.
6. Дневник графа П. А. Валуева. 1847–1860, 1866–1884 / подготовка текста издания Р. В. Малков. Саратов : Оксюморон, 2015. 976 с.
7. Кочуков С. А. «Партия действия»: к вопросу о восприятии войны с Османской империей правящей элитой России

Поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 16.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 20.01.2023